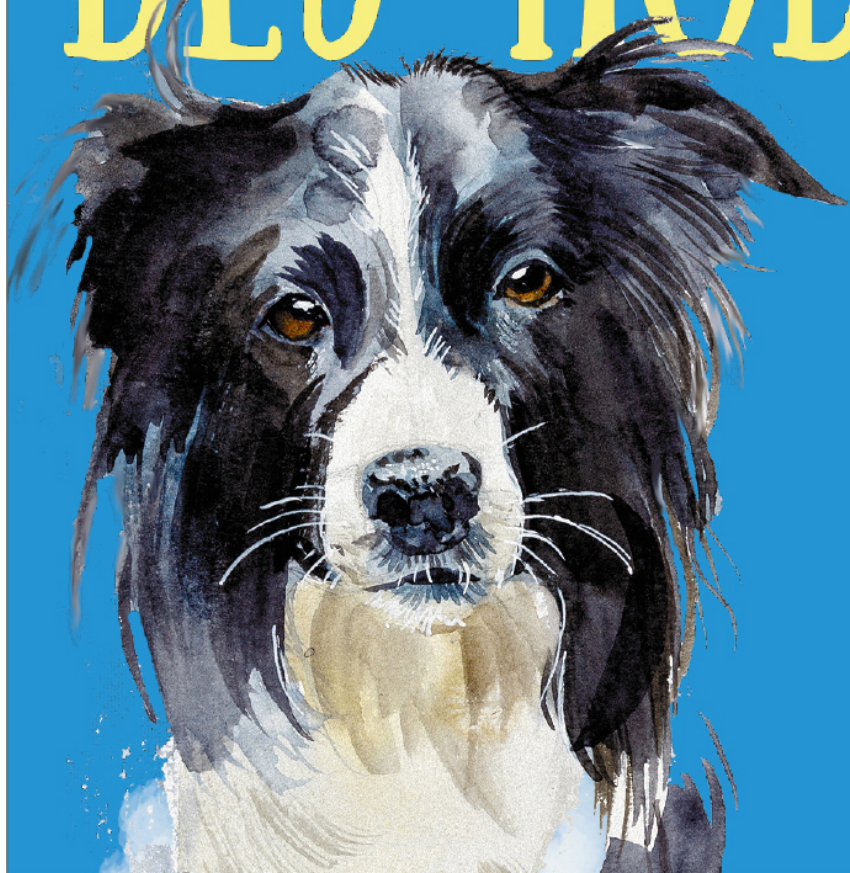

«ЭКСЦЕНТРИЧНО,
ТРОГАТЕЛЬНО
И ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ
СМЕШНО».
DAILY EXPRESS

МЕГ РОЗОФФ

ДЖОНАТАН БЕЗ ПОВОДКА

Вкус к жизни

Мег Розофф

Джонатан без повода

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Розофф М.

Джонатан без поводка / М. Розофф — «Издательство АСТ»,
2016 — (Вкус к жизни)

ISBN 978-5-17-093306-8

Мозг Джонатана Трефойла, 22-летнего жителя Нью-Йорка, настойчиво твердит ему, что юность закончилась и давно пора взрослеть. Проблема в том, что он не имеет ни малейшего понятия, как это сделать. Тем более, что все составляющие «нормальной взрослой жизни» одна за другой начинают давать трещины: работа, квартира, отношения с девушкой. А тут ещё брат просит присмотреть за двумя его собаками на время его отъезда. В отчаянных попытках начать, наконец, соответствовать ожиданиям окружающих, Джонатан решает броситься в омут с головой – жениться в прямом эфире перед многомиллионной аудиторией. Он повзрослеет, возьмет кредит, купит машину, станет носить одинаковые носки... Но для него ли такая жизнь? Или может быть стоит прислушаться к мнению бордер-колли и спаниеля, которые, кажется, обладают ключами от жизни, вселенной и всего остального?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093306-8

© Розофф М., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Мег Розофф

Джонатан без поводка

Meg Rosoff
Jonathan Unleashed

© 2016 by Meg Rosoff
© Хатуева С. В., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Мэрион Файоль

1

Когда Джонатан пришел домой с работы, собаки всю его обсуждали.

И ладно бы это были его собаки!

– Прошу, возьми их всего на несколько месяцев, максимум на полгода. Не волнуйся, тебе не надо будет менять всю свою жизнь, – уверял его брат. – Просто гуляй с ними перед работой и вечером. Это лучшие собаки в мире! За ремонт в квартире тоже можешь не переживать, они ничего не испортят. Ты их полюбишь, точно тебе говорю.

Вдаваться в детали Джеймс не стал (что было для него характерно). Он ни словом не обмолвился о тонкостях душевного устройства своих собак. Джонатан очень хотел, чтобы они были счастливы, но для этого им явно было недостаточно гулять и грызть кости.

Сисси бесшумно подошла к нему, села у ног и заглянула в глаза с таким томлением, словно ожидала найти в них ни больше ни меньше как ключ к будущему. Проникновенный взгляд она сопровождала тихим жалобным завыванием, которое могло означать сразу все на свете: «Я хочу есть/ мне нужна твоя любовь/ нам скучно сидеть дома целыми днями/ передай бразды правления нам, и мы устроим твою жизнь».

Джонатан вытаращил глаза. Бразды правления? Он и не знал, что его жизнь оснащена браздами правления. И, даже если они и правда есть, стоит ли передавать их собаке?

Потрепав Сисси за ухом, он указал ей на подстилку.

– Иди полежи, – сказал он. – Хватит сбивать меня с толку всякими философскими раскладами.

Сисси с Данте улеглись к нему спиной, голова к голове. Раньше он бы только поразился, но теперь его мучили подозрения. А вдруг они решают, что им делать с его жизнью?

Конечно, очень приятно, что кто-то рад тебя видеть, когда ты приходишь домой, отпахав день на рекламной ниве. В спортзал можно было не ходить – его заменяли долгие прогулки с собаками, а их способность спать в любых условиях успокаивала Джонатана и сглаживала стресс от работы. Собаки были настолько симпатичными, что даже люди на улице подходили и восхищались его отменным вкусом. Поначалу он пускался в объяснения, что это собаки его брата, который уехал работать в Дубай, но потом просто стал отвечать: «Спасибо, у вас тоже красивая собака», – даже если это было не совсем так.

Однако в последнее время в его отношениях с собаками произошло неувловимое изменение. Он чувствовал, что они не одобряют его образ жизни.

А критиканы уже ждали его у двери. Время гулять. Парк был близко – Джонатану повезло. В Нью-Йорке большинство собаководов либо шагают до ближайшего парка несколько километров, либо нанимают специального человека, который возит их в Центральный парк. Для Джеймса фактор наличия места для прогулок был решающим.

– Да у тебя же место для выгула чуть ли не напротив дома! Представляешь, как тебе повезло?

«Повезло так повезло», – думал про себя Джонатан, но переезжать куда-то было слишком поздно. Он поднял ворот куртки и поплелся под дождем через три квартала в Томпкинс-сквер. Там он отстегнул поводки, и собаки, обезумев от радости, унеслись обнюхивать встречающих сородичей и подбедать кусочки выброшенной кем-нибудь еды. Джонатан попытался укрыться от дождя, прижавшись к дереву.

Ожидая, пока собаки наиграются, он стал думать о работе и так погрузился в мысли, что не заметил, как собаки прекратили резвиться, встали и начали жалобно смотреть на него влажными глазами, словно говоря: «А Джеймс всегда кидал нам мячик. А еще он играл с нами в прятки и знакомил с другими собаками».

Джонатан недоуменно посмотрел на них. Что это такое? С каких пор собаки нуждаются в представлении?

– А что, зад теперь не принято обнюхивать? Давайте, ткните кому-нибудь под хвост, – сказал он, махнув рукой в направлении парка. – Вы и сами в состоянии социализироваться. Проявите самостоятельность.

Пожилой мужчина с хаски и большим синим зонтом повернулся к нему.

– И не говорите! В мое время мы и собственные зады нюхали.

Дождь стих. Сисси побежала навстречу мини-версии какой-то заморской породы. Эта маленькая рыжая пигалица как будто только что сошла с конвейера игрушечной фабрики. Неподалеку в закрытом стеганом дождевике бледно-розового цвета с зеленым узором, ботинках и капюшоне в тон гулял кавалу. С чего люди решили, что собакам нравится ходить в одежде? Владелица кавалу посмотрела на него так, что он понял: опять произнес вслух то, что думал.

– Красивая у вас собака, – сказал он и улыбнулся, но женщина отвернулась, ничего не ответив.

Он поймал взгляд Сисси. А может, собаки просто не любят Нью-Йорк и то, что все повернуто на брендах, деньгах и лоске? Но Джонатану казалось, что и собакам, и кошкам, и белкам, и людям – всем здесь живется довольно хорошо. Все гуляют по улицам, хорошо питаются, и вообще все отлично. Разве нет? Его собственная жизнь формально выглядела вполне благополучно. Совсем недавно он закончил художественную школу, а уже работает младшим копирайтером в хорошем агентстве. У него своя квартира и девушка модельной внешности по имени Джули Корморан. Да эти собаки должны им восхищаться!

– Пошли, – прокричал он.

Сисси послушно увязалась за ним, а Данте устроил целую церемонию прощания с рыжим комочком и только после этого соизволил повернуться и вразвалку пойти за своим законным опекуном. Джонатан нагнулся, чтобы застегнуть поводок Сисси, и увидел, что спаниель смотрит на него с выражением глубочайшей симпатии. Данте тем временем поднял заднюю лапу в направлении ноги Джонатана.

– Эй, ты! – угрожающим тоном произнес Джонатан, и через мгновение все трое направились домой, в квартиру на пятом этаже.

За полквартала до дома небеса снова разверзлись, и вся процессия прибыла в квартиру, вымокнув до нитки.

2

Приехав в Нью-Йорк, первые полтора месяца Джонатан спал на диване у своего лучшего друга.

– Ты что, шутишь? – сказал Макс, бросив пару похожих на чистые простыней на голубой диван. – Я тебе не прощу, если ты остановишься в «Four Seasons».

– Я заплачу тебе, когда найду работу.

– Not necessario amigo. Mi casa es tu casa.¹

– Muchas castanets, pal.²

Макс жил в Бруклине, в районе Bed Stuy, в двухкомнатной квартире, вместе с очередной своей красавицей-подружкой. Джонатан не имел ничего против дивана, к тому же он был вполне удобный. А Макс, прекрасно знавший каждый бар от Гарлема до Канарси, был идеальным гидом по Нью-Йорку для новичка. А еще он решил во что бы то ни стало устроить Джонатана на работу в рекламное агентство «Комрейд», где работал сам.

– Завтра собеседование в десять тридцать. Я обо всем договорился с Эдом. Я внедрил к нему в подсознание, повторяя твоё имя всегда, когда он был в зоне слышимости. Так что он уже должен ощущать, что твоё трудоустройство – это воля Бога.

– Ты правда думаешь, что он согласится меня взять? Разве я не должен что-нибудь уметь?

– Да нет, – отмахнулся Макс, переворачивая на сковородке кусочек тоста. – Высшего художественного образования хватит за глаза. Самое главное – убедить его, что ты гений, но не того типа, который рушит все вокруг себя. Мы же делаем очевиднейшие вещи, просто вуа-лируем их всякими маркетинговыми штучками, чтобы они казались сложнее, чем есть.

Прошедшие несколько недель Джонатан занимался рассылкой резюме, ходил на собеседования на несуществующие должности и соглашался быть стажером в новых интернет-проектах, уникальное торговое предложение которых заключалось в отсутствии зарплаты. Так что немного актерской игры уж точно было ему под силу.

На следующее утро он надел свою лучшую рубашку, самые новые из имеющихся джинсов, спустился с Максом в метро и отправился в Трайбеку.

Собеседование долго не продлилось.

– Привет, Джонни! – приветствовал его Эд настолько дружелюбно, что даже обнял, чем напомнил своего брата Бена, с которым он и Макс дружили в школе. – Рад тебя видеть. Макс говорит, ты можешь стать украшением компании. Это так?

Не успев переключиться в режим собеседования с этапа обмена любезностями, Джонатан был застигнут врасплох.

– Ну... – начал он, с беспокойством оглядывая по крайней мере двадцать сотрудников, которые, в условиях открытого пространства, слушали каждое его слово.

Он наклонился к Эду и прошептал:

– Что, прямо здесь?

– Ага. Устроим спектакль прямо тут, – отрезал Эд.

Макс стоял за спиной своего босса, качая головой и гримасничая.

Джонатан прокашлялся и начал:

– Ну, ммм, у меня хорошо получается решать проблемы, я прекрасно работаю в команде...

Тут он понял, что потерял внимание Эда, да и Макс провел указательным пальцем поперек горла.

¹ Не нужно, дружище. Мой дом – это твой дом. (исп.) – Здесь и далее примечания переводчика.

² Спасибо, друг (исп.)

«Ладно», – подумал он. Опустив голос на половину октавы, он начал заново:

– Я беру проблему за горло и начинаю ее душить. Потом я беру ее за брюхо, запускаю руку внутрь и выпускаю ей кишки.

Эта риторика вроде бы вернула стремительно ускользавшее внимание Эда, хотя на самом деле такой язык Джонатану был совсем не свойствен. Так говорил парень из Кентукки, с которым он жил в общежитии на первом курсе. Тот был из семьи охотников на оленей и выражался исключительно в терминах убийства.

Эд закивал.

– Я уверен, что смогу многому научиться у тебя, Эд. Ты всегда был примером для меня.

Эду было двадцать семь, на четыре года старше Джонатана и Макса. Ни тот, ни другой не испытывали к Эду ни малейшей симпатии и ни при каких обстоятельствах не собирались брать с него пример.

– Я не стремлюсь к славе в свете софитов или баснословным деньгам, – с твердостью в голосе заявил Джонатан. – Меня заводит возможность распрямить бренду плечи, вскрыть ему грудь и посмотреть, какое у него сердце.

За исключением грудной клетки, все придумал Макс. Они отрепетировали эту речь накануне. Джонатан говорил на автопилоте, вне себя от волнения. Он уже начал отчаиваться.

– Эд, положи руку на сердце могу сказать, что во всем Нью-Йорке не найдется компании, в которой я хотел бы работать больше, чем здесь.

Эд перевел взгляд на брюнетку в обтягивающем платье, которая помахала им папкой.

– Здорово, прекрасно, отлично, – сказал Эд так, что было очевидно, что он уже успел забыть, о чем говорил Джонатан и зачем он сюда пришел.

– Ммм... значит, ты скоро сообщишь мне о своем решении?

С одной стороны, Джонатан не хотел давить на него, но и перспектива остаться на диване у Макса еще на месяц была совсем не радужной. Вместо ответа Эд отвернулся и пошел за брюнеткой в свой кабинет.

Рядом тут же материализовался Макс.

– Ты никого не оставил равнодушным, весь офис смахнул слезу, мой друг. Уверен, ты только что поймал птицу счастья.

– Думаешь?

Макс пожал плечами.

– Можешь называть это женской интуицией. Пойдем скажем в отделе персонала, чтобы на тебя сделали договор. Будем ковать железо пока горячо. Завтра Эд уже и не вспомнит, кто ты такой.

3

В следующие две недели Джонатан все силы бросил на поиск квартиры, которая была бы ему по карману. Потратив четыре дня на Бруклин, он нашел вариант на Пятой улице на Манхэттене, но его забрали еще до того, как Джонатан успел доехать до места. Заходя в магазин здоровой еды, он увидел, как какой-то лысый мужчина средних лет в светло-сером костюме вешает на доску объявление. Джонатан дождался, пока тот закончит и уйдет, прочитал объявление, сорвал с доски и побежал за мужчиной по улице.

– Эй! – кричал он. – Я прочитал ваше объявление. Мне нужна квартира!

– Да, недолго оно провисело, – нахмурился хозяин квартиры.

– Можно ее посмотреть? – выдохнул Джонатан.

Мужчина пожал плечами и внимательно осмотрел Джонатана с ног до головы. Тот стоял и заискивающе улыбался.

– Почему нет? – смиростивился мужчина. – Место хорошее.

Перед главным входом в жилой дом на углу Авеню-С он загремел ключами. Фасад здания был опутан пожарными лестницами, и Фрэнк («в честь архиепископа Фрэнсиса Джозефа») с гордостью отметил: «Все как положено». На третьем этаже он открыл квартиру № 3D и пропустил Джонатана вперед себя. Стены в комнатах были выкрашены в темно-красный цвет, бордюры были золотыми. Но если закрыть глаза и представить себе, как будет выглядеть квартира, если покрыть стены парой слоев белой краски, то вид открывался шикарный: большая и светлая гостиная, приемлемых размеров спальня, достаточная для приготовления пищи кухня. В ванной осталась допотопная черно-белая плитка и бордовые стены, но в общем и целом Джонатан был вне себя от счастья. Ему светила самая настоящая двухкомнатная квартира на Манхэттене! И работа была всего в десяти-пятнадцати минутах езды на велосипеде.

– Можно будет стены перекрасить?

– Только если аккуратно.

Джонатан сразу же согласился арендовать квартиру, и они скрепили сделку рукопожатием и пятьюстами долларами из ближайшего банкомата. Он понимал, что ему ничего не оставалось, кроме как довериться человеку, названному в честь архиепископа.

– Я беру аванс за первый и последний месяц, – сказал Фрэнк. – Вы освобождаете квартиру в течение суток после уведомления. Она может понадобиться моему другу. Договор не заключаем. Согласны?

– В течение суток? – заколебался Джонатан.

– Поймите, – медленно сказал Фрэнк, словно объясняя дурачку, как устроен мир. – У меня особая ситуация.

Джонатан догадался, что друг Фрэнка находится в местах не столь отдаленных, пребывание в которых оплачивается государством, и что его могут выпустить в любой момент. Неизвестно, за какого рода преступление он попал в тюрьму. Оставалось надеяться, что не за убийство предыдущего жильца.

– Хорошо, – решил Джонатан.

На следующий день он передал остаток залога, а Фрэнсис Джозеф передал ему ключи. Джонатан не мог сдержать улыбки. Именно о такой жизни он и мечтал. Легкие деньги, дешевая квартира на Манхэттене, сказочное везение – Вселенная выбрала его!

Он перекрасил стены в белый цвет, и сразу стало гораздо лучше. В спальне поместился только двуспальный матрас, который он положил на контейнеры для хранения из Икеи, и фанерные коробки для одежды, которые пришлось ставить друг на друга. Матрас он купил в ближайшем магазине, старый кожаный диван нашел через сайт бесплатных объявлений, подобрал на улице выброшенный кофейный столик и купил подержанный мольберт. Родители отдали ему квадратный пластиковый стол из 1950-х годов и два стула в комплект к нему. Книжных полок, которые были в квартире, как раз хватило, чтобы разместить обширную коллекцию комиксов, иллюстрированных романов и архив собственных неизданных творений. Все складывалось идеально.

Ежемесячно он получал счет за квартиру, выписанный красной шариковой ручкой на вырванном из тетрадки листе бумаги в линейку. Да, схема была довольно необычная, но она работала. Джонатан заметил, что счета, на которые он перечислял оплату, менялись каждые пару месяцев, но зато ему не нужно было ни с кем общаться лично, и это его полностью устраивало. В конце концов, даже если ему сдали мафиозный притон на время, пока Лефти Гамбино мотает срок, лучше не совать нос куда не следует.

Сначала он каждую неделю боялся, что его попросят, но ровно пятнадцатого числа каждого месяца в почтовом ящике неизменно оказывался лист бумаги в линейку. Может, Лефти оказался не таким уж образцовым заключенным.

И постепенно он стал считать квартиру своим домом.

А когда к нему подселились собаки, здесь стало еще уютнее. Джонатан не понимал, почему всегда считалось, что уют в доме создают цветы и аквариум с рыбками. Ведь две собаки – это самая что ни на есть полноценная семья, только без выяснений отношений и ругани. Сисси любила спать на своей мягкой подстилке, а Данте облюбовал диван, который был и мягкий, и достаточно высокий, чтобы наблюдать с него и за окнами квартиры напротив, и за голубями, и за происходящим на улице.

Джонатан начал изучать собачью энциклопедию. «Собаки породы бордер-колли считаются одними из самых умных, – говорилось в книге. – Они могут быть счастливы, только когда заняты выполнением какой-то задачи, когда имеют цель». Эта мысль в тексте занимала много места, говорилось про овец, про стадный инстинкт и иже с ним, и в конце концов заключалось: «Даже самые умные представители породы бордер-колли нуждаются в том, чтобы хозяин указывал им путь и был лидером». Джонатан посмотрел на своего представителя породы колли – не похоже, чтобы он интересовался лидерством или путем, зато с удовольствием смотрел старые фильмы.

В Данте было что-то такое... Джонатан вряд ли смог бы это объяснить, но уже через неделю совместной жизни сложилось ощущение, что он здесь был директором. Нет, не совсем директором. Скорее председателем совета директоров.

Он продолжил читать.

«Бордер-колли предпочитают активный образ жизни, с готовностью берут на себя ответственность и независимы в выполнении задач, которые позволяют им реализовать свою генетическую миссию».

Джонатан был очень впечатлен тем, что Данте может потребоваться независимость в выполнении задач, а также наличием у него генетической миссии. Он задумался и о собственной генетической миссии, хотя о ее содержании можно было только догадываться. Вместе с тем ему очень хотелось помочь Данте реализовать свою. К покупке живой овцы Джонатан пока готов не был, поэтому он где-то отыскивал овцу на батарейках, которая носилась по квартире и время от времени делала переворот через собственную спину. Реакцией со стороны Данте был долгий, почти не моргающий взгляд на Джонатана.

Сисси была совсем другая: она повсюду ходила за хозяином, преданно заглядывала ему в глаза, а иногда просто лежала у ног и лизала его стопы. Возможно, у спаниелей генетическая миссия не отличалась особой строгостью.

Ему нравилось иметь собак, нравилось принадлежать к модному тренду «молодой, стильный и с собаками», нравилось быть не одному. Все-таки он по-прежнему ощущал себя в Нью-Йорке чужаком. Здесь все спешили в какие-то интересные места, покупали дизайнерскую мебель, правильные туфли, ходили на выставки и вместо эмоциональных отношений проповедовали сексуальные. А собаки позволяли оставаться в стороне от этой суеты. Они заполняли собой свободные часы и давали законный повод остаться дома в субботу вечером.

Уже много лет – сколько он себя помнил – собственная жизнь представлялась Джонатану в виде кадров комикса с эксцентричными героями, которые могли летать и говорить по-собачьи. Это делало его непохожим на людей, которых показывают по телевизору, на обычных людей, у которых есть любимые песни и полотенца в ванной сочетаются по цвету. Да, у него есть работа, квартира, девушка, но все это казалось неважным. Он начинал оживать, только когда ехал на велосипеде. Скорость придавала ему легкости и остроты, превращала его в подобие самурайского ножа, прорезающего мягкий воздух городских улиц.

И как он вообще здесь оказался? Ведь всего несколько минут назад он был ребенком, ездил на велике в школу, собирал коллекцию комиксов, делал уроки и смотрел телевизор. Да, его не миновали ловушки взрослой жизни, но они не так сильно повлияли на его внутренний мир. Реальная взрослая жизнь, конечно, существовала, но она была столь же далека и недостижима, как планета Уран. Он не понимал, как люди взрослеют и зачем. Реальная жизнь со

взрослыми потребностями казалась ему невыносимой. «Вот посмотрите, я все время работаю. Вот моя красивая подружка. Посмотрите, как я меняю еду на деньги. Полюбуйтесь на мое давление».

Он не мог понять, почему никто еще не написал инструкцию «Как стать Человеком».

У его подруги, Джули, гораздо лучше получалось жить, как настоящий человек. Они познакомились, когда ей было двадцать, а ему – девятнадцать. Она была настолько красивой, независимой, организованной и небедной, что Джонатан и надеяться не мог, что она когда-нибудь согласится с ним встречаться.

Их первый разговор в ночном клубе в паре кварталов от университета, в котором оглушительно играла музыка, проходил так:

Джонатан. А мы с тобой не на одном курсе по теории и практике графического дизайна?

Джули. Что?

Джонатан. Мы с тобой не на одном курсе по теории и практике графического дизайна?

Джули. Нет.

Джонатан. Можно тебе коктейль купить?

Джули. Давай.

Он и сам знал, что они с ней не на одном курсе по теории и практике графического дизайна, потому что там было всего девять человек. Но ничего лучше в тот момент он придумать не мог. Она излучала такую уверенность и спокойствие, что он решил, что она учится на бизнес-курсе (так оно и было) и встречается только с парнями со своего факультета (что тоже так и было). Джонатан же считал этот факт колоссальной несправедливостью, ведь две прекрасные, высокомотивированные, гармоничные личности не должны оставаться одинокими.

Когда они только начинали встречаться, он водил ее на зарубежные фильмы, в магазины комиксов, на ночные выставки и выступления музыкальных групп, в которых играли его друзья. По большей части происходящее в этих местах ее смущало, но ей было интересно соприкоснуться с частью жизни, которая не подразумевала графиков и отчетов. В свою очередь она покупала Джонатану дорогие свитера вместо его толстовок и подарила ему бумажник, чтобы он сложил туда свои кредитки.

– Но я всегда носил их в кармане.

Джули вздохнула.

– Поэтому ты их и теряешь. Просто попробуй, – сказала она, протягивая ему мягкий светло-зеленый бумажник из свиной кожи.

А поскольку ему нравились красивые вещи, он стал его носить и складывать туда кредитные карточки, которые теперь никуда не терялись. И наличность, если она была. Ему нравился этот бумажник, потому что он напоминал ему о ней.

По мере приближения выпускного они стали обсуждать, что делать дальше. Джонатан так и не смог прижиться на Среднем Западе и хотел вернуться на восток, но Джули не была уверена, что хочет последовать за ним. Поэтому она осталась, а Джонатан переехал в Нью-Йорк и начал работать в «Комрейд Маркетинг».

Ему давно хотелось начать работать – работа давала ощущение смысла, участия в общем деле. Правда, он не ожидал, что офисная жизнь окажется столь тривиальной, а ежедневная рутина – настолько отупляющей. Такую цену приходилось платить за деньги. Но коллектив был хороший, Макс работал за соседним столом и, несмотря на начинающую просачиваться мысль, что работа – это лишь заполнение времени от рождения до смерти, в целом он был горд тем, что смог стать частью огромного механизма под названием «капитализм». И также он был рад, что после многолетнего писания курсовых и сдачи экзаменов он способен делать что-то, за что платят деньги.

Однажды вечером Джули позвонила ему и сообщила отличную новость. «Меня переводят в Нью-Йорк! – сказала она. – Ты ведь рад?!»

Конечно, он был рад, а кто бы не был? Он очень хотел ее увидеть. Но понравится ли ей его квартира? Их квартира? А что будет с собаками? Она знала об их существовании, но предпочитала о них не говорить.

Разговор строился примерно так:

– А сколько они у нас будут жить?

– Максимум полгода. Они тебе понравятся, они хорошие.

После чего она меняла тему.

В глубине души он переживал, что Джули не поймет, в чем радость жизни с собаками, будет воспринимать их только как развлечение и нагрузку на их бюджет и жизненное пространство. Он боялся, что Джули захочет ходить туда, куда с собаками ходить нельзя, и Джонатану придется оставлять их одних и днем, когда он на работе, и вечером, когда они с Джули будут куда-то ходить.

Он даже сделал попытку созвониться с ней по скайпу, когда собаки сидели рядом с ним, чтобы они познакомились друг с другом, но в итоге все сидели с кислыми минами.

С братом он своими волнениями не делился. Тот был уверен, что отношения между собаками и людьми должны представлять собой ничем не осложненный танец взаимной любви – ты любишь собак, ты всюду берешь их с собой, и ты расстаешься с девушкой, если она не любит их так же сильно, как ты.

– Если куда-то с собаками не пускают, значит, тебе туда не надо, – говорил он Джонатану.

Джонатан при этом перебирал в голове все эти точки: кинотеатры, рестораны, клубы, концерты, бары, магазины, работу, самолеты, Дубай, – и это была лишь верхушка айсберга мест, куда ему хотелось бы попасть.

4

Примкнув к числу собаководовладельцев, Джонатан открыл для себя абсолютно новую часть общества. Подобно велосипедистам и любителям комиксов, собачники в большинстве своем были фанатиками. И вели себя они так, словно знали о его собаках гораздо больше него.

– Вот это спрингер! Рабочая?

Джонатан не знал, как на это отвечать.

– Ммм... – мычал он, оглядываясь по сторонам в надежде, что ответ материализуется рядом с ним в белом облачке, как в комиксах. – Я не в курсе. Это собаки моего брата.

Реакцией на это обычно был неодобрительный взгляд, и дальнейшие реплики адресовались уже не ему:

– Ты же прирожденная охотница, да, моя девочка?

И Сисси смотрела на своего нового друга с такой любовью и преданностью, будто они вдвоем сейчас, одетые в дорогую английскую экипировку, на лугах вспугивали куропаток, а Джонатана словно и вовсе не существовало.

– Красивая собака, – говорили они о Данте и тут же хмурились, – но не для Манхэттена. Как будто присутствие собаки давало им право выражать свое мнение.

– Да нет, он доволен жизнью, – научился отвечать Джонатан с важной небрежностью, – это городская колли.

Сначала он произносил эту фразу достаточно робко, но со временем понял, что она звучит убедительно. Он живо представлял себе ход мыслей его оппонентов: «Городская колли? Разве она существует?» А потом они пожимали плечами и думали: «Ну да, а почему нет?» Хотя городской колли в природе не существовало. На самом деле даже Джонатан понимал, что бордер-колли в общем (и Данте в частности) совершенно не похожи на существ, в чем-либо уступающих людям в развитии. На самом деле, Данте очень подошло бы управлять небольшим банком.

На собачьей площадке на площади Томпкинс-сквер вместо травы был песок и бетон. Спрашивается, кому захочется делать свои дела не под большим высоким деревом с толстым стволом и шершавой корой, не на мягком ковре из полусгнивших листьев, а в песок? Да, в Нью-Йорке собаки, по крайней мере, имели возможность общаться со своими собратьями, но при этом кому понравится ходить в туалет на бетон под наблюдением доброй половины жителей Нижнего Ист-сайда? Джонатан представил, как он поднимает хвост и присаживается в укромном уголке в густом лесу, вдыхая сложносочиненный аромат сосен и грибов. Как же прекрасен этот запах по сравнению с миксом из выхлопных газов и парфюма Calvin Klein.

Все чаще и чаще он мечтал о жизни на земле. Забывая о том, что он не собака, он грезил о маленьком кусочке собственной хорошо унавоженной земли, покрытой колокольчиками, наперстянками, лютиками и мхом. Он хотел кататься по этой земле, тереться всем своим телом о ее сырую поверхность, стирая запах мыла и человека о темную мантию лесной зелени.

У его собак было кабельное ТВ, органические кости и дорогие кожаные поводки. У них было все, что только можно было найти в Нью-Йорке в плане еды и крыши над головой, но он не знал, чего им хочется на самом деле. Вдруг они чувствуют себя нереализованными и подавленными? Собак понять очень трудно, особенно если ты недостаточно хорошо их знаешь. Вдруг им нужна помощь специалиста?

И он позвонил Макс. Макс точно знает.

– Привет, Макс.

– Привет, дружище. Я тут с Алегрой.

Макс всегда был не один.

– Прости. Случайно не знаешь хорошего ветеринара?

– У тебя собаки заболели?

– Да нет вроде, – пожал плечами Джонатан. – Но, мне кажется, провериться не помешает.

– Повиси, – сказал Макс и обратился к подруге, – Алегра, у меня другу ветеринар нужен. Никого не знаешь?

Сначала в телефоне слышалось какое-то бормотание, а потом трубку взяла Алегра.

– Я свою кошку ношу на угол Одиннадцатой и Первой. Или это слишком далеко?

– Нет, нормально. А собаками там тоже занимаются?

– Это же ветеринар, – после небольшой паузы сказала Алегра. – Он занимается животными. Не уверена насчет крупного рогатого скота. У тебя ведь собаки, не коровы?

Джонатан соорудил гримасу, передразнивая Алегру с ее крупными сочными губами.

– Я пришлю тебе смску с номером. Спроси доктора Клэр, она классная, – и она передала трубку Макс. Джонатан слышал еле сдерживаемые смешки.

– Все в порядке, дружище?

– Да, спасибо, – ответил Джонатан, но Макс уже повесил трубку.

На следующий день он позвонил и записался на прием к доктору Клэр.

– Нет, это не срочно, – сообщил он.

– С какой конкретно проблемой вы столкнулись и у какой из двух собак? – у девушки-администратора был голос десятилетнего ребенка.

– Я не могу это объяснить по телефону, – уклончиво ответил Джонатан, чувствуя себя почему-то старым развратником.

– Хорошо, – пропищала администратор, – я записываю вас на 30-минутный первичный прием. До встречи во вторник, в пять.

Во вторник, в четыре часа дня, Джонатан ускользнул с работы, прилетел на велосипеде домой, взял собак и направился к ветеринару. Он предвкушал настоящее приключение. Ветеринар! Ни разу в жизни у него не было повода идти к ветеринару, и он уже представлял себе, что перед кабинетом врача будет ожидать несметное количество экзотических животных, у каждого из которых – свои секреты. Он вообразил пожилого белого тигра, завершившего карьеру

в шоу-бизнесе в Лас-Вегасе и переехавшего в пропахший плесенью старый особняк с видом на Центральный парк. И единственная живая душа, с кем он еще общался, – это дряхлая вдова его дрессировщика. А может, там будет пиранья в мобильном аквариуме на колесах. Или шиншилла (он пытался представить себе шиншиллу, но в голову лезла только шуба в серую полоску). Или галапагосская черепаха, вывезенная из Эквадора в обычном чемодане когда-то давным-давно, когда таможенники еще позволяли провозить в ручной клади исчезающие виды животных.

Ветеринарная клиника располагалась в красивом красно-кирпичном здании. Десятилетняя администратор (он сразу же узнал ее по голосу) оказалась молодой женщиной, фигурой и габаритами напоминавшей банковский сейф. Она представилась именем Айрис и протянула ему папку с анкетами, в первой же из которых требовалось заполнить данные его кредитной карты.

Он прочистил горло.

– Гхм... а вы не скажете, сколько стоит прием доктора Клэр?

– Все зависит от цели обращения. Стандартный 30-минутный прием без анализов – от 85 долларов, – ответила она и, натянуто улыбнувшись, вернулась к своему ноутбуку.

Через десять минут раздался звуковой сигнал. Айрис встала, открыла одну из трех дверей и указала Джонатану внутрь.

– Ваша очередь, – пропищала она, и Джонатан вдруг представил себе, как внутри его ожидает расстрельная команда в составе двенадцати человек в форме французского иностранного легиона с винтовками наголо. А добродушный французский пудель в берете, готовый отдать команду «огонь» маленькой лапкой, курит сигарету.

Вместо этого ему пожала руку молодая высокая женщина без следов косметики на лице, с короткими волнистыми волосами и серьезным выражением лица.

– Здравствуйте, – сказала она с британским акцентом. – А это, наверное, Сисси?

– А, да, – ответил Джонатан, смущенный таким приветствием, и подтолкнул собаку вперед, как застенчивого ребенка в школе танцев.

– Поставьте ее, пожалуйста, на весы.

Он подвел Сисси к большим напольным весам и придержал ее несколько секунд.

– Хорошо, – доктор Клэр вбила результат в свой компьютер, – теперь поставим ее на стол. Джонатан поднял ее, и врач послушала сердце Сисси.

– Хорошая девочка, – похвалила она, тщательно прошупывая лапы и вытягивая тазобедренные суставы вверх и назад, а плечевые – вверх и вперед. – Хорошо, – теперь она сгибала голеностопы, нажимала на спину вдоль позвоночника и осматривала зубы.

– Какая ты милая девочка! И выглядишь ты прекрасно. Давай посмотрим теперь твоего друга.

Джонатан подвел Данте к весам, а затем – к столу, где ветеринар провела с ним все те же самые манипуляции, проверяя конечности, сердце, суставы, спину и зубы.

– Отлично, – сказала она через минуту. – Можете ставить его на пол.

Джонатан спустил Данте со стола, а доктор Клэр занялась документами на компьютере. Наконец она повернулась к нему.

– Итак, оба питомца в прекрасной форме. Вы пришли просто на контрольную проверку? Или есть какие-то проблемы?

– Ну... – протянул Джонатан, глядя в потолок, – и да и нет.

Доктор Клэр недоуменно смотрела на него.

– Мне кажется... Я даже не знаю, как это выразить. Понимаете, это не мои собаки. Мне брат их оставил на полгода. Я мало что знаю о собаках, но я боюсь, что они несчастны.

Доктор Клэр по-прежнему недоумевала.

– Вы отмечали какое-нибудь навязчивое поведение? Они бегают за собственным хвостом? Грызут что-нибудь? Скулят постоянно? Проявляют агрессию?

– Нет, ничего этого нет, – покачал головой Джонатан.

– От еды не отказываются?

– Нет, – вздохнул он. – Но я не уверен, что они получают то же удовольствие от еды, что и раньше.

– Что вы говорите?! – удивилась доктор Клэр.

Джонатан понял, что она подумала: «Ну и идиот. Очередной самовлюбленный придурок, который мое время тратить пришел».

– Я понимаю, что это всего лишь собаки, – попытался объяснить он. – Но у меня такое чувство, что они несчастны. Данте ведь должен стада овец охранять, не так ли? Мне кажется, он очень умен. А Сисси... она ни на что не жалуется, но мне часто кажется, что ей чего-то не хватает. Куропаток, может? Я не знаю. Просто они оба какие-то... не от мира сего, – и он посмотрел на Данте, выражение морды которого было абсолютно нейтральным. – Взгляните на него. Понимаете, о чем я? Мне иногда кажется, что он... злится.

– Злится?..

– Вот Сисси не злая. Она из всех сил старается сохранять жизнерадостность, но часто просто проваливается в грусть.

Доктор Клэр глубоко вздохнула, выдохнула и чуть прикрыла глаза.

– Я не психиатр, – сказала она. – На мой взгляд, с вашими собаками все в полном порядке. Бывает, что собаки, живущие в городских условиях, слишком мало двигаются и не получают достаточно внимания от хозяев. У вас есть где с ними в мячик поиграть? Или, может, сдавать их на день в стационар или нанять человека, который с ними будет гулять? Или оставляйте резиновую игрушку с едой. Набейте ее гранулированным кормом в арахисовом масле. Это займет собак на долгие часы.

Джонатан уже один раз так сделал. Данте разделался с ней за минуту и закинул ее за диван с выражением, которое Джонатан принял за презрение.

– Это не поможет, – грустно покачал он головой. – В их жизни нет чего-то важного.

– Чего, например?

– Не знаю, – потерянно сказал Джонатан.

Они оба теперь смотрели на собак.

– И меня не только это беспокоит. А вдруг Данте заскучает настолько, что в один прекрасный день безо всякой причины ему не понравится какой-нибудь маленький ребенок, он бросится на него и разорвет ему лицо в клочья? А кто-то снимет это на телефон, видео соберет миллионы просмотров в интернете, мне вчинят дорожный иск и история попадет на обложку «New York Magazine». Я оскандаюсь, и мне придется прятаться от позора где-нибудь в Айове. И хотя Данте винить будет не в чем, его, скорее всего, убьют.

– Он когда-нибудь рвал чье-нибудь лицо в клочья? – спросила доктор, критически оглядывая Джонатана.

– Конечно же, нет! – он пришел в ярость от того, что ей могло прийти это в голову. – Но это не значит, что он никогда этого не сделает. Чужая душа – потемки.

Доктор Клэр перевела взгляд на Данте.

– Я достаточно хорошо разбираюсь в собаках, – сказала она, – Данте совершенно не похож на пса, который способен броситься на ребенка, – и, чуть помедлив, добавила, – я думаю, вам стоит перестать волноваться о том, чего нет.

Джонатан долго ничего не говорил.

– А что если он ненавидит свою жизнь?

Врач наклонила голову и, нахмурившись, смотрела на него.

– Одно из достоинств собак состоит в том, что они не бывают несчастны без причины.

– У вас есть собака, доктор Клэр?

– Да.

– У вас не возникает ощущение, что жизнь вашей собаки не совсем удовлетворительна? Врач помолчала.

– Ну, ей не нравится оставаться дома одной, поэтому я иногда привожу ее с собой на работу. Нью-Йорк – не идеальное место для собак, – сказала она, улыбнувшись. – Но то же самое можно сказать и про людей. Мы привыкаем.

Тут врач украдкой взглянула на часы.

– Простите. Больше не буду отнимать у вас время.

– Попробуйте поиграть с ними в мяч. Или наймите человека, который бы с ними гулял, – и доктор Клэр отвернулась к компьютеру. – Позвоните, если появятся вопросы.

«Но только не такие странные и абстрактные, как сегодня, – стал фантазировать Джонатан. – А такие, с которыми обращаются к ветеринарам, вроде сломанных лап, или глубокой раны, которую можно зашить, или заворота кишок. Или хромоты. Но только не с меланхолией, или апатией, или собачьим вельтшмерцем».

Джонатан задавался вопросом, почему все слова, подходящие для описания состояния его собак, заимствованы из других языков. Английскому языку настолько не хотелось вникать в тонкости душевных переживаний? Неужели англо-американской психике настолько все равно, что она даже не желает знать об экзистенциальной тревоге? На английском приходится говорить что-то невнятное типа «мне как-то не по себе» или «у меня такое чувство, что в мире все как-то не так». Или просто: «У меня депрессия». Разве это может сравниться с емким «вельтшмерц», в котором предельно четко выражено состояние глубокого психологического дискомфорта, вызванного пониманием того, что мир – ужасное место, пронизанное неоправимо ущербной атмосферой жестокости, несовместимой с человеческим (и собачьим) психологическим благополучием?

Носители английского языка вынуждены, приходя к врачу в состоянии глубочайшего разочарования текущим положением вещей, формулировать свои ощущения с помощью фразы «я подавлен». Ну что за никчемный язык!

Он не понял, почему Алегра рекомендовала доктора Клэр. Ей же не было никакого дела до внутреннего мира его собак! Как это свойственно англоязычному человеку – поджать губы и не дать себе труда задуматься о психологической подоплеке. «Мы привыкаем», – сказала она, но так ли это на самом деле? Привыкаем ли мы, уважаемая врач? Под силу ли нам привыкнуть к бессердечно враждебному окружающему миру, в котором вместо деревьев и чернозема – сталь и стекло?

Джонатан негодовал. Что же это за доктор, если она не обращает внимания на ментальную составляющую здоровья? Даже ему, полному профану, стоящему на низшей ступени иерархии собаководовладельцев, была очевидна необычайная сложность душевного устройства его питомцев, выраженная в глубоком взгляде карих глаз. Возможно, собакам и не хватает ума, чтобы построить небоскреб в 106 этажей, изобрести разрывную пулю и разрушить жизнь в океане, но, по мнению Джонатана, это не означает, что психологически они менее развиты или менее сложно устроены, чем люди.

На углу он увидел молодую девушку, игравшую на музыкальном инструменте, в котором он распознал скрипку, и остановился послушать. В открытом чехле стояла табличка с надписью: «Зарабатываю на консерваторию».

Джонатан посмотрел на Данте и Сисси, а они, в свою очередь, выжидательно посмотрели на него. В плане способностей к музыке люди, безусловно, превосходили собак, но Джонатан не знал, где на шкале таланта, на одном крае которой была эта девушка, а на другом – моллюски, находится он. Он и собаки были бы где-то посередине и, вероятно, гораздо ближе друг к другу, чем ему хотелось бы надеяться.

Он представил себе, насколько приятнее быть моллюском, а не этой бедной девушкой, вынужденной заниматься сотни тысяч часов, день за днем заучивать мелодии на этой странной конструкции из дерева и натянутых овечьих кишок, чтобы впоследствии развлекать пресыщенную публику, которая чаще всего просто спит. Джонатан засунул руку в карман, вытащил целую горсть мелочи и переложил ее в скрипичный чехол. При наличии выбора мудрее было бы стать моллюском. Она кивнула ему в знак благодарности, и Джонатан с собаками продолжили свой путь в состоянии полной неопределенности относительно своего места в мире.

5

На следующее утро кто-то съел почту. Джонатан всегда оставлял ее на полке у входной двери, но на этот раз там было пусто, и только обрывок счета за квартиру виднелся из-под кресла. Газета осталась нетронутой, но, пролистав ее, Джонатан обнаружил, что спортивный раздел исчез. Когда собаки подбежали поприветствовать его, в уголках рта Данте он заметил кусочки папье-маше. Нетронутым осталось объявление из раздела про породистых животных и реклама виртуального VIP-клуба для городских собак, которая была прислонена к стене так, словно кто-то это сделал намеренно. Над ним хотели подшутить? Джонатан пристально взглянул на Данте, который был глубоко погружен в созерцание вида за окном.

Вздыхнув, Джонатан налил себе чашку вчерашнего кофе, добавил молоко и выпил его холодным. По плану была утренняя прогулка, так что сразу после кофе он пристегнул поводки и пролетел пять лестничных пролетов.

Был один из последних холодных зимних дней. Резко похолодало, и люди в основном были одеты недостаточно тепло. Хорошо еще, что не было дождя. На площадке он сел на скамейку, съезжился и стал тереть руки, чтобы согреться. Собаки стояли и смотрели на него. Разве это может считаться нормальным поведением? Почему они не носятся, не играют? Понимают ли они, сколько всего ему сегодня предстоит сделать? Чтобы убить время, он достал из кармана блокнот, карандаш и начал делать наброски нового романа в жанре комикса под названием «Нью-йоркский ад». В нем молодой поэт в сопровождении своего духовного проводника, бордер-колли, проходит девять кругов Нью-йоркского ада. Он взглянул на своего Данте, и от его внимания не ускользнуло ни чуть заметное кривление губ, ни его наостренное ухо. Джонатан подумал, что Данте идеально подошел бы на роль проводника по аду для неискушенного туриста, каковым он сам и являлся.

Дома собаки неспешно подошли к своим подстилкам и улеглись. Сисси – тихо вздохнув (так, как это умеют делать спаниели). Данте – медленно покачивая головой. Джонатан подумал, читают ли они его мейлы, пока он на работе. А газету, прежде чем съесть?

Перед тем, как оседлать велосипед и поехать на работу, он оставил каждому по кости.

Велосипед был самой дорогой собственностью Джонатана. Рама из ультралегкой высококлассной углеродистой стали, а на руле был компьютер, показывающий скорость и частоту оборота педалей. Джонатан постоянно боялся, что велосипед уведут прямо из-под него. Единственным выходом для него было ездить так быстро, чтобы никто его не смог поймать. И он ни на минуту не выпускал велосипед из виду.

Дорога на работу была бесконечной чередой маневров – срезаний и объездов. Он ощущал себя олимпийским чемпионом по гигантскому слалому, несясь по городу с опущенной головой на высокой скорости, в потоке собственных мыслей. Его целью было никогда не снижать темпа, никогда не останавливаться. И когда наконец он затормозил перед офисом агентства «Комрейд», он чувствовал себя лучом света – таким же ясным и стремительным.

Внутри он понес велосипед наверх, через три лестничных пролета, и пристегнул его к поручню на лестничной клетке, которая просматривалась с его рабочего стола.

– Привет, Джонатан.

– Привет, Шей.

Шей – это правая рука босса, оказывающая ему дополнительные услуги.

Джонатан прошелстел своими углеродными подошвами в мужской туалет – на случай, если кто-то еще не заметил, что в офисе он появился самым последним. В туалете он сменил итальянскую лайкру на джинсы, футболку и шерстяной лимонный кардиган от Brooks Brothers 1960-х годов. Он купил его в винтажном магазине, хотя у его деда наверняка было бесчисленное количество таких свитеров. Его очень раздражало то, что родители вынуждали его покупать их заново в дорогуших секонд-хэнд бутиках по раздутым ценам.

– Встреча в три, – напомнила Шей.

Ее свидания с Эдом (основателем, владельцем и исполнительным директором «Комрейд») происходили во время обеденного перерыва, и звуки, доносившиеся из переговорной (запертой, конечно же) вызывали у сотрудников чувство глубокой печали. Одно то, что Эд, которому не было еще и тридцати, имел в собственности лофт в Вильямсбурге и ездил на серебристо-голубом «Мерседесе 280 SL» 1972 года, действовало на нервы всему офису. А секс был последней каплей, ежедневно демонстрирующей всем, что такой жизни у них не будет никогда. Хотя вряд ли кто-то из сотрудников хотел бы заняться с Эдом сексом в переговорной.

Офис «Комрейд» располагался на третьем этаже лофта, который когда-то был магазином ламп и светильников. Во время ремонта подвесные потолки убрали, и за ними обнаружились деревянные перекрытия. Гипсокартон оторвали, обнажив кирпичные стены, а под дешевым линолеумом 50-х годов оказались широкие дубовые половицы. И вот именно так все и выглядело бы наилучшим образом, но, чтобы убедить клиентов, что «Комрейд» – это высокреативная организация, Эд купил на аукционе обстановку советского железнодорожного вокзала – всю, от щитка до кассы, – и перевез ее в Трайбеку. И у него почти получилось реализовать свою идею, но не совсем. Народ отпускал шуточки по поводу Сибири и сравнивал Эда со Сталиным. А огромные уродливые вокзальные часы тикали так громко, что однажды, в тихий воскресный день, один из сотрудников не выдержал, взял промышленный степлер и разгромил их на тысячу частей.

Столы сотрудников в «Комрейд» были расположены в случайном порядке, чтобы придать пространству «дух открытости и спонтанности», хотя открытость тут же разбивалась о множество импровизированных перегородок, роль которых выполняли горы книг, антикварная стойка для шляп, мольберты и даже занавеска для душа, висящая на металлической стойке для одежды. Для приватности годилось все.

Джонатан вел самого дорогого клиента «Комрейд» – «Бродвей Депо». Компания ежедневно размещала рекламные блоки в многочисленных местных газетах, баннеры и всплывающие окна на сайтах. Все они сливались в бесконечную реку до ужаса однотипных заголовков типа «Скидка 20 % на все ручки» или «Бумага для принтеров, самые низкие цены в городе».

Такого рода фразы кого угодно сведут с ума. Джонатан ежедневно пытался придумывать заголовки, которые были бы хоть сколько-нибудь интереснее текущих, и ежедневно же «Бродвей Депо» их отвергало. Точнее, это делала Луиза Кримпл, занимающая зеркальную с ним позицию на стороне клиента.

– Привет, Джонатан. Все хорошо?

– Все отлично, Луиза.

И он уже знал, что случится дальше.

– Нужно исправить вчерашний заголовок. Используй тему «купи-продай». Не нужно акцентировать внимание на проблемах.

Проблемах?

– Тебе не нравятся мои заголовки?

– Я их обожаю! Но давай пока отложим в сторону вчерашний вариант.

Он был готов к этому.

- Тебе просто не нравятся мои заголовки.
- Нам нужно стимулировать потребление, Джонатан.
- Я их переделаю.
- Отлично, мы оба от этого выиграем. Класс!

Энтузиазма у Луизы было с лихвой. И она была довольно привлекательна, только вот вместо мозга у нее была сломанная заводная игрушка. Ее способность выражать свои мысли и воображение можно было сравнить с затычкой для раковины. Только они в «Бродвей Депо» не продавались.

Да, может, его заголовки и не являли собой идеальный образец креатива и не могли изменить мир, но они были гораздо лучше, чем «Только сегодня ручки по \$2.99!». Он яростно спорил с Луизой Кримпл по телефону, в мейлах и лично, доказывая, что вечные истины, заключенные в его заголовках, доносят до потребителя (на сублиминальном уровне), что «Бродвей Депо» понимает глубину их эмоциональных отношений с ручками. Они обеспечивают лояльность к бренду компании, не говоря уже о повышении продаж, и, таким образом, улучшают жизни и сотрудников «Бродвей Депо», и покупателей. Но все его доводы разбивались о стену непонимания. Луизу не интересовали абстракции.

– У людей не бывает никаких отношений с ручками, – говорила она с лучезарной улыбкой девушки-чирлидера. – Заканчивается одна, покупают новую. И делу конец.

Джонатан терпеть не мог выражение «и делу конец». Он ненавидел все ее выражения. Однажды он пригласил ее на обед и попытался объяснить, какая связь существует у писателей и художников с ручками. Что когда пишешь гелевой ручкой – это как скользить по грязи или переносить штрихи из мозга прямоком на бумагу. А владелец шариковой ручки – это человек эконом-класса, с которым и знакомиться-то не стоит. Либо же кто-то очень требовательный, но изо всех сил маскирующийся под свою противоположность. А от одной мысли о том, чтобы рисовать ручкой-маркером, ему вообще становилось плохо. Во вьетнамском фьюжн-ресторане, который он выбрал за его тонкие вкусовые подтексты и текстуру, она заказала хорошо прожаренный стейк, а потом так пристально и долго на него смотрела, что ему пришлось идти в туалет и проверять, не превратилось ли его лицо в миндальное печенье.

– Луиза, – наконец сказал он, изо всех сил стараясь не заорать на нее. – Неужели тебе не скучно? Неужели тебе до смерти не надоела эта никчемная работа в никчемной компании с никчемной рекламой изо дня в день, каждый из которых не менее никчемен?

Она выслушала его, задумалась надолго, а потом посмотрела на него особенным взглядом красивых пустых серых глаз.

– А десерты здесь съедобные?

Когда исходники для сегодняшних рекламных блоков упали к нему на рабочий стол, он открыл файл. «Скидка 30 % на пластиковые папки, только сегодня». «Новое поступление! Струйные картриджи из Китая!» «Спецпредложение на кресла для руководителей! С низкой или высокой спинкой!» «Шкаф для картотеки, 5 новых дизайнерских оттенков!» (Когда в последний раз кто-то покупал шкаф для картотеки?) Список был бесконечным. Он не смог заставить себя дочитать его, поэтому приступил сразу к делу. Первая задача – обновить сайт, с которого магазины распечатывали флаеры. Ему доверяли настолько, что он мог вводить эти короткие рекламные заголовки прямо в макеты без одобрения руководства. И он этим воспользовался: «Предложение дня на кресла для руководителей! Ваши ягоды заслуживают самого лучшего!» и «Ваш совершенно никому не нужный отчет будет смотреться гораздо лучше в папке с 20 % скидкой!».

Вздыхнув с сожалением, он стер написанное и принялся за работу. Ровно в двенадцать Макс вышел со съемки, и они пошли на обед. В «Комрейд» почти никто не ходил обедать. Многие покупали хумус из соевых бобов и ели его с домашней органической питой и салатом коул-слоу со свеклой и рисовым уксусом. Кто-то ел салат из груши и граната или роллы с кожей

лососа в симпатичных контейнерах из японского ресторана ОриГами. Джонатан и Макс ходили за гигантскими сэндвичами с ростбифом и горчицей на белом хлебе, которые продавались в последней оставшейся в Трайбеке старомодной столовой. Сидели они отдельно друг от друга за соседними столиками. Макс слал Джонатану по имейлу ссылки на сайты типа befilthy.com и dirtymoms4U с темой письма «потенциальные жены», а Джонатан в ответ слал картинки из не менее пошлых произведений 1950-х годов с заголовками «Голубой клинок» и «Фанни Хилл».

Наконец день подошел к концу, как и все в этом энтропийном мире. Джонатан снова переоделся в велокостюм, водрузил велосипед на плечи, сбежал по ступенькам и поехал домой. Город проносился мимо, а он концентрировался только на траектории и углах. Езда успокаивала его и на целые несколько секунд помогала забыть о том, какая у него тупая работа.

6

Сисси явно была ему рада, но Данте удостоил его лишь беглым критичным взглядом. Джонатан потрепал их за уши, застегнул ошейники, быстро прошел десять кварталов, вернулся домой, дал им вкусняшек («Ешьте, ешьте, будьте счастливы, несмотря на однообразную жизнь в клетке»), достал из холодильника два стейка из лосося, обернул их фольгой, высыпал в тарелку пачку салатных листьев, набрал в кастрюлю воды, чтобы сварить в ней картошку, и посмотрел на часы. Было семь пятнадцать. Джули сказала, что приедет в половине восьмого, а значит, она будет здесь ровно в семь тридцать, если только за оставшиеся пятнадцать минут гигантский астероид не сотрет с лица земли все человечество.

Больше всего Джонатану нравилось то, что Джули отличалась от всех, кого он знал. В Сент-Луисе она работала менеджером по продажам в «Невеста-360» – глянцевого журнала и сервису по онлайн-планированию свадеб «на 360 градусов» со слоганом «От первого свидания до дружбы навек». Дружба навек ассоциировалась у Джонатана с нескончаемой шахматной партией, а еще с ужасающей ситуацией, когда собаки слипаются при спаривании. Даже Джули находила этот слоган весьма странным. Но когда в нью-йоркском отделении открылась вакансия руководителя отдела продаж, она решила, что пришло время идти вверх по карьерной лестнице.

– Мы проживем вместе и посмотрим, как пойдет, – сказала она, и Джонатан подумал: «Ты глупенький романтик».

Он втайне надеялся, что с помощью своего организаторского таланта она найдет им квартиру попросторнее, и больше не придется зависеть от того, откажут ли какому-нибудь сидельцу в просьбе об условно-досрочном освобождении.

Джонатан частенько размышлял об иронии судьбы: патологически несентиментальная Джули попала на работу в свадебное агентство.

– Я не понимаю, почему женщины заиклены на свадьбах, – сказала она ему однажды. – У нас в офисе только об этом и говорят.

Джонатан еле удержался, чтобы не сказать, что разговоры о свадьбах вполне ожидаемы в компании с названием «Невеста-360». И подумал, что ей гораздо больше подошла бы работа инженера или юриста.

Ровно в семь двадцать шесть в дверь позвонили. Джонатан запустил картошку в кипяток, вытер руки и побежал ее встречать.

Они встретились на лестнице, и не успел он забрать у нее сумку, как черно-белый вихрь пронесся мимо него и бросился на Джули с громким радостным визгом, в котором Джонатан расслышал сарказм. За Данте, так же радостно визжа, последовала Сисси с развевающимися рыжими ушами. Собаки прыгнули на его подружку и нанесли серьезный урон ее сумке, из которой вылетели губная помада и айфон.

Джули не стала на них кричать. Не говоря ни слова, она успела схватить с пола телефон до того, как Данте и Сисси начали играть им в футбол, подобрала помаду, кошелек и сумку с косметикой и направилась вверх по ступенькам так, словно собак и не существовало вовсе. Псы же, воодушевившись новой игрой, лизали ей щиколотки, глодали подол ее платья, терлись о ее голени, отгоняли от нее воображаемых мух. Для всего этого требовалась сложная хореография, и Джонатан смотрел на их грацию с искренним восхищением. То, как они двигались в этой маленькой квартире, можно было сравнить с Нью-Йоркским балетом, выступающим в телефонной будке. Джонатан заговорщически смотрел на своих питомцев и хмурился, Джули игнорировала их, и всем было хорошо. Кроме Джули.

– Добро пожаловать в Нью-Йорк! – сказал он, обняв ее. Через десять минут, потраченных впустую на то, чтобы попытаться подружить Данте и Джули, он сдался. – Не обращай внимания. Они к тебе привыкнут.

Джули осмотрелась.

– Квартира как-то уменьшилась по сравнению с прошлым разом.

Джонатан проследил за направлением ее взгляда. Она была права, в квартире и правда стало меньше места из-за собачьих подстилок. И самих собак.

– Как долетела? – Джонатан выложил стейки лосося на тарелки и поставил их на стол. – Есть хочешь?

– Не то слово! – откликнулась Джули. – Выглядит аппетитно! У меня даже не будет времени на то, чтобы привыкнуть к новому месту. У нас аврал, делаем номер, полностью посвященный цветным свадьбам. Весь день отвечала на запросы от прессы. Свадебный мир в шоке!

– Цветным свадьбам? – уточнил Джонатан. – Имеется в виду цвет кожи или цвет платья?

– Цвет платья, – ответила Джули, не прекращая жевать. – И цвет кожи тоже.

– Ух ты!

Джонатан подивился причудам свадебного мира и подумал, что же могло так шокировать эту важнейшую часть общества. Он представил себе невест в ярких красно-черных лохмотьях, босых и хромающих, с маленькими рожками вместо вуалей, с горящими факелами, раздвоенными языками и зелеными змеиными хвостами. Женихи, в волосатых набедренных повязках на блестящих животах, играли роль сатиров, а подружки невесты все ходили голышом, кроме...

Джули посмотрела на него и нахмурилась.

– Сейчас же перестань фантазировать. Под цветом имеется в виду серо-зеленый, дымчатый, металлик, баклажан. Вот и все.

– Баклажан? Есть такой цвет?

Джули, казалось, его не слушала. Почему-то тот факт, что она отказывалась понимать и ценить его видение окружающего мира, заставлял его любить ее еще больше. Ведь она такая сильная, умная, рассудительная, красивая и деловая. А он – всего лишь неуклюжий, запутавшийся и бесконечно неуверенный в себе смертный. То, что она снизошла до него, озарило ее щедрый дух священным огнем.

Все то время, что они жили в разных городах, она неизменно присутствовала в картине его Нью-Йоркского ада. Там она являлась статуей в туфлях на высоченных платформах с айфоном в одной руке и маленьким пакетиком с ягодами годжи в другой. Она словно не замечала мучений окружающих ее людей. Картинку он подписал так: «Ведь они же знали правила?».

Когда Джули прикончила лосося, Джонатан поставил тарелки в посудомойку и начал мысленно рисовать следующий эпизод Нью-Йоркского дантового ада. Он не рассказывал Джули, что она фигурирует в его последнем творении. Он планировал подарить ей его после рождения их первого ребенка в качестве сюрприза. Или – учитывая ее отношение к сюрпризам – никогда.

– Было вкусно, – сказала Джули, убирая со стола и взглянув на часы. – Но мне столько всего нужно сделать.

– Правда? – обнял он ее. – Я так по тебе скучал.

– Да? Я тоже, – она повернулась к нему, и он поцеловал ее, ведя рукой по изгибу ее бедер.

За четыре года отношений Джонатана и Джули Макс так и не смог понять, в чем ее прелесть.

– Слушай, – говорил он, выстраивая логическую цепочку. – Я много чего знаю о женщинах. Она столь же сексуальна, как бухгалтерский отчет. Плюс ко всему, она никогда не улыбается.

– Это тебе она никогда не улыбается, – ответил Джонатан.

– О чем и речь.

Джули не стала сопротивляться, когда Джонатан взял ее за руку и повел в крошечную спальню.

– Тебе же не нужно работать в эту самую секунду, нет? – он ласкал ее шею, а она, хмурясь, выскользнула из юбки и сбросила с себя кардиган. Потом она закрыла дверь, оставив любопытствующих собак по ту сторону.

– Добро пожаловать домой, – сказал он, целуя ее.

Когда все закончилось, Джули села за кухонный стол и стала что-то вбивать в таблицы на мониторе. Джонатан мысленно рисовал сцену ее раздевания для второго круга ада (похоть), пытаясь поймать в ней что-то неуловимое, чего он не замечал раньше. Сначала он подумал, что это то, как она хмурится. Или то, как вздрагивают ее плечи, когда она снимает бюстгальтер. Или ее одинокость, даже когда они занимаются сексом.

Он перебрал все, но все было не то.

Позже, лежа с открытыми глазами в постели и смотря в потолок, Джонатан задумался, не страдают ли собаки меланхолией. Или апатией. Что если их боль не психологическая, а физическая? Он слышал от кого-то, что иногда у собак бывает чумка, и хоть этот диагноз и представлялся вполне вероятным, он не имел четкого представления о том, в чем он проявляется. Он решил, что утром первым делом поищет в интернете симптомы. Или можно отвезти собак к ветеринару, для большей уверенности. Он взглянул на дверь спальни и через стекло увидел, как Сисси печально смотрит на него. На него и на Джули.

Джонатан вздохнул, вылез из постели и понес свою подушку и одеяло на диван. Там его утром и обнаружила Джули, спящего на боку в обнимку с маленьким спаниелем, уткнувшимся мордой ему в шею.

7

Утром в «Комрейд» творилось что-то странное. Когда Джонатан прибыл, никто даже головы не поднял. Можно подумать, все были настолько поглощены проектами, что даже его новая дорогушая реплика желтого костюма Тур-де-Франс не стоила трех секунд внимания. В его голове тревожно зазвучал набат. Сначала он громко прошлепал к туалету, затем, переодевшись, проскрипел к рабочему месту по вощеному полу резиновой подошвой своих ретро-кед Jack Purcell. Никто даже не шевельнулся. Сердце у него заколотилось, как бешеное. Их что, всех уволили? Кто-то умер? Все умерли? Он умер? Это ад?

Он позвонил Луизе Кримпл, чтобы удостовериться, что «Бродвей Депо» не расторгло контракт с агентством.

– Луиза! – сказал он, когда она подняла трубку.

– Джонатан, – услышал он в ответ.

– У вас там ничего не происходит?

– Мы горим.

Интересно, что она имела в виду?

– Это просто фантастика, Луиза!

– Что у тебя для меня есть, Джонни-бой? Дай стране угля!

О боже.

– Мои жернова день и ночь мелют для тебя муку, Лу! – глухой звук на том конце означал, что она повесила трубку.

Все же пара преимуществ в работе в «Комрейд» была. Там царила дружная атмосфера, и у сотрудников было много общего – они были молоды, привлекательны, модно одевались, получали меньше, чем заслуживали, их эксплуатировали на полную катушку, и энергия у них была через край. Но работа, клиенты! Всеобщая и всепоглощающая бесполезность этой деятельности убивала. А в остальном все было прекрасно.

Эда нигде не было видно. Как, впрочем, и Шей. Они что, уже уединились? Ведь еще нет и десяти утра. Постепенно до Джонатана донеслись взволнованные голоса откуда-то из отдела персонала. Что же произошло?

Он шумно смял бумажный пакет, который ему дали в кофейне, и громко запел Брукнеровский «Te Deum», недоумевая, как монахи умудряются брать две ноты одновременно и задаваясь вопросом, пробовали ли они петь таким образом бродвейские мюзиклы. Допив кофе, он метнул пустой стакан в ближайшую урну, не попал, громко застонал, поднял его и сделал новую попытку. Никто не пошевелился. Даже Макс, обычно составлявший ему партию в этих бесплодных попытках, был полностью погружен в работу. Это было ужаснее всего.

Он открыл свой утренний файл «Бродвей Депо», притворился, что погрузился в него, и начал писать письмо.

КОМУ: max@comrade.com

ОТ: jonathan@comrade.com

ТЕМА: В чем дело?

Меня уволили? Мы все умерли?

Вскоре от сидящего в двадцати сантиметрах Макса пришел ответ.

КОМУ: jonathan@comrade.com

ОТ: max@comrade.com

ТЕМА: re: В ЧЕМ ДЕЛО?

По периметру странные маневры. Все очень серьезно и загадочно.

Тут в офисное пространство влетела Шей, взяла в руки самую настоящую советскую, коммунистическую промышленную лампу, освещавшую обычно рабочий стол Эда, и метнула ее через весь офис, вследствие чего лампочка взорвалась и сработал предохранитель. Офис погрузился в полутьму. Не удовлетворившись реакцией (отсутствующей) сотрудников «Комрейд», она схватила с кухни полный кофейник, размахнулась, взявшись за его ручку обеими руками, и запустила его по более-менее ровной диагонали через весь офис. На этот раз реакция была поживее – все двадцать два человека накрыли головы руками, наблюдая, как стеклянный шар, полный кипящего кофе, словно в замедленной съемке, описал зрелищную параболу над их головами. Полет его остановила металлическая дверь переговорной, из которой как раз выходил Эд и о которую кофейник и разбился на тысячу маленьких осколков.

Раздались жидкие аплодисменты.

Выражение лица Джонатана было абсолютно нейтральным, но сердце его выделявало гимнастические выкрутасы в груди. Ну почему каждый день не может быть таким?! Разве не в этом заключается жизнь? Не в скрепках же и бумаге! А в любви, сексе, ненависти, отчаянии,

взрывающихся кофейниках. В этой сцене могли бы слиться все девять кругов его комикса или, как минимум, похоть (второй круг), жадность (четвертый), гнев (пятый), жестокость (седьмой) и предательство (девятый). Воображение рисовало славные картинки – летящий стеклянный шар, зрелищный удар... В его варианте кофейник вылетал из недр ада, пролетал через земную атмосферу по Млечному Пути на Альфу Центавра, набирая скорость по мере того, как великая звезда засасывает кофейник в свое гравитационное поле. Эх, можно было бы все бросить и заняться рисованием прямо сейчас!

– Гхрм!!!

Подняв голову, он увидел нависшую над ним Шей. Она держала в руках большую коробку, набитую ее вещами, которую она ни с того ни с сего бросила ему.

– Вниз, – скомандовала она.

Прижимая коробку к груди, Джонатан вскочил на ноги, бросил взгляд на Эда (стоящего неподвижно в вымокшем насквозь зеленом шелковом костюме, с которого капал кофе и шел пар) и постарался как можно незаметнее выйти из офиса. Шей шла за ним с сумкой, набитой новенькими офисными принадлежностями и из которой торчал корпоративный лэптоп. Дойдя до массивной фабричной стальной двери, она толкнула ее плечом, продемонстрировав недюжинную силу, и не говоря ни слова вышла на тротуар.

– Лови такси.

Свободной руки у него не было, но зато он мог с чистой совестью гордиться своим свистом. Рядом с ним остановились сразу две машины, Шей забросила свои вещи в ту, что побольше, выплюнула в лицо водителю адрес и, пока Джонатан открывал рот, чтобы попрощаться, захлопнула перед ним дверь.

Он усталился на дырку, которую она оставила в пространстве, и поплелся назад на работу. Эд исчез. Джилин и Роджер из отдела продаж подметали стекло и отмывали шваброй кофе с пола. Началась игра в бадминтон под аккомпанемент Богемской рапсодии, раздававшейся из чьего-то компьютера («Scaramouche, Scaramouche, will you do the fandango?»). Джонатан сел и открыл почту. В ящике было много обычного рабочего мусора, но он обратил внимание на письмо, адресованное всему персоналу.

КОМУ: всем сотрудникам

ОТ: руководство

ТЕМА: НЕРАБОЧИЙ ДЕНЬ В СВЯЗИ С ПОГОДНЫМИ УСЛОВИЯМИ

Оно пришло с адреса Шей, но писала явно не она. Дальнейших разъяснений не требовалось.

К одиннадцати бадминтон исчерпал свой ресурс, и весь офис переместился в «Ганз Аммо Ликер», маленький грязный бар в нескольких кварталах от офиса с крайне привлекательными ценами на широкий ассортимент алкогольных напитков. К полудню Джонатан был навеселе. К четырем он с трудом стоял на ногах, но это было неважно, потому что он был мессией и мог парить над водой. К пяти ему удалось добраться до дома, переступить порог и упасть в прихожей.

Собаки приблизились и обнюхали его. Из кухни доносился приглушенный шепот:

– Он мертвецки пьян.

– Может, просто очень устал?

Он провалился в сон и ему снилось, как он в скафандре летит на Альфу Центавра, с кофейником на голове. Через несколько часов, когда Джули вернулась домой, он проснулся с ужасной головной болью. Она перешагнула через его скрюченное тело и спустя несколько минут вернулась с чашкой кофе, двумя таблетками аспирина и двумя собаками на поводке.

Ночной воздух возродил его настолько, что по возвращении он смог запить полпачки печенья «Огео» банкой пива и рухнуть в постель.

– Что, удачный день? – поинтересовалась Джули.

– Поначалу, – ответил он, попытавшись обнять ее, но Джули отстранилась.

Поняв, что секс маловероятен, Джонатан решил, что лучше ему будет поспать на диване. Сисси подождала, пока он вытянется под одеялом, аккуратно запрыгнула к нему и устроилась рядом. Данте остался на полу и провел там всю ночь, положив голову на лапы, уподобившись хранителю святыни. Утром Джонатан проснулся с раскалывающейся головой.

8

От вчерашнего дебоша в офисе не осталось и следа. Пока не нашли замену Шей, Эд назначил на ее место девушку-стажера, которая работала без зарплаты. С завидной быстротой ей удалось разыскать новые лампы и кофейник, а также разослать обращение сотрудникам по поводу вчерашнего погодного инцидента. В нем было написано (вероятнее всего, под диктовку Эда), что никаких неблагоприятных погодных условий на самом деле не было.

Эд сидел мрачнее тучи, когда Уэс, эккаунт-директор и неофициальный начальник отдела персонала, подошел к его столу в самом начале одиннадцатого и вытащил того оттуда чуть ли не за ухо.

Высокий и худощавый, с забранными в хвост длинными торчащими волосами, Уэс присутствовал на всех встречах с клиентами вне зависимости от степени их важности. Клиенты «Комрейд» очень ценили то, что он не читал монологи о перспективных стратегиях, УТП и парадигмах, не соглашался со всем, что говорили клиенты и не защищал слепо все, что исходило из-под рук его сотрудников. И если «Комрейд» и умудрялся избежать банкротства и претензий налогового управления, то только благодаря Уэсу, в котором было что-то от хип-пующего мафиозного дона. У него была дружелюбная манера общения, которая, как уютная джинсовая рубашка, была надета на грудь холодного металла. По слухам, он каждый вечер по 3 часа занимался кикбоксингом, а в прошлом носил зеленый берет.

Джонатан симпатизировал Уэсу. Тот казался ему похожим на живого человека. В Нью-Йоркском аду Уэс был королем четвертого круга, справедливым и строгим судьей Жадности, стоявшим над ней в черной футболке и джинсах в позе «руки в боки». За ним, словно флаг, развевался пушистый хвост.

Хоть ни у кого и не получилось подслушать разговор, состоявшийся между Эдом и главой эккаунтов (а недостатка в попытках не было), большинство согласилось, что Уэс запоздало донес до Эда, что трахать собственную помощницу в офисе в обеденный перерыв, а потом дать ей повод яростно разнести офис, – не образцовое поведение руководителя, и ему очень повезет, если она не наймет себе адвоката и не оставит агентство без штанов. Эдуардо вернулся за свой стол мрачнее тучи, вышел из офиса еще до обеда и больше там в этот день не появлялся. Новая и.о. личной ассистентки провела остаток дня за чтением журналов, ответами на звонки и угощением страждущих сотрудников напитками из частного бара Эда. В четыре она куда-то вышла, вернулась с огромной коробкой пончиков и раздала их по офису. Когда ее благодарили, она говорила: «Скажите спасибо Эду. Это за его счет». Когда пончики были съедены, она встала на свое кресло, свернула журнал в мегафон и сказала, что все свободны до конца дня. Такая работа нравилась Джонатану все больше и больше.

На следующее утро стажерка исчезла, Эд вернулся в свой кабинет, и снова закипела работа. Все это ничего хорошего не предвещало, но Джонатан повеселел, получив следующее письмо:

КОМУ: jonathan@comrade.com

ОТ: max@comrade.com

ТЕМА: Свежая кровь

Загляни в зону ресепшен.

Джонатан встал и пошел по траектории, которая позволила бы ему рассмотреть нужное место и притвориться, что он занят делом.

Вскоре он наткнулся на Макса, который совершал свой круг в противоположном направлении, и выдумал хитрый разворот на сто восемьдесят градусов, позволивший ему оказаться плечом к плечу с товарищем. Словно читая мысли друг друга, они одновременно остановились, наткнувшись на нечто странное в зоне ресепшен. Там появился Эдуардо с крайне недовольным лицом, пропускавший перед собой невероятно изящную девушку в джинсовых шортах, короче которых ни Макс, ни Джонатан в жизни еще не видели. Следом за ними шел Уэс. Джонатан заметил безутешный взгляд Эдуардо и идеально четкое «нет» Уэса вслед девушке, навсегда выходящей из дверей «Комрейд». Уэс тем временем уже пожимал руку следующей претендентке.

– Ларк Райз Хэвен Халоу, – представилась девушка. – Приятно познакомиться.

Джонатан выпучил глаза, и они с Максом переглянулись. Как может являться именем это нагромождение слов? О чем думают родители, называя так своего ребенка? Как ему жить жизнь с этим именем? Джонатан допускал, что в современном мире такое имя – не такое уж и редкое. Среди ее одноклассниц могут оказаться Мона Лиза, Албания, Стетсон и Джедай. Означает ли появление в мире подобных имен то, что близится конец света? Ведь что-то же это должно означать, раз окружающие ведут себя так, будто человек по имени Ларк Райз Хэвен Халоу на ресепшен – это норма.

Его давно уже начали бесить имена. Имя Джонатан, например, хотя бы похоже на нормальное имя. Его босс, Эд, сменил имя на Эдуардо, этот вариант годится только в одном случае – если ты родился в Мексике, Уругвае или Андалусии. Но это совершенно не вариант, если ты вырос в Ларчмонте, родители у тебя – евреи-бухгалтеры с именами Наоми и Джозеф Нецки, о чем прекрасно было известно Джонатану (потому что он и брат Эда вместе были бойскаутами). Еще в глубоком детстве всем было очевидно, что Эд и Бен Нецки станут юристами в области корпоративного права в городе Уайт-Плейнс, но Эд сбился с пути, основав свою маленькую, но дерзкую маркетинговую компанию в центре Нью-Йорка, отрастил свои еврейские волосы в косичку наподобие той, что была у Фиделя Кастро, и всем на посмеище сменил имя Эд Нецки на Эдуардо Наварро. Все это, конечно, добавило ему стиля по сравнению со средне-статистическим евреем из Ларчмонта, причем настолько, что он смог позволить себе купить лофт в Вильямсбурге, ездить на винтажном «Мерсе» и иметь свою ассистентку в обеденный перерыв. Джонатан от нечего делать попытался представить себе, как звали Эдуардо, когда он ездил к себе в Ларчмонт на еврейский новый год.

Закончив университет, Макс написал в фейсбуке брату Эда и умолял дать его контакты и немножечко блата. Получив работу, Макс устроил все так, что приземление Джонатана за соседним столом было всего лишь вопросом времени. То, что у Макса был опыт в политике, а у Джонатана – в графическом дизайне, давало им право стать неквалифицированными сотрудниками, на которых и строился успех «Комрейд». Стратегия Эдуардо заключалась в том, чтобы набирать добрых, веселых, умных молодых людей на стартовый уровень зарплат, использовать их и всячески подставлять до тех пор, пока они не потеряют волю к жизни, не впадут в депрессию и не уйдут. Макс и Джонатан идеально подходили для этого сценария, хотя у Макса были более амбициозные планы.

– Еще посмотрим, кто кого. Я сам отсюда выживу этого гада, – сказал он. – Я буду стоять до последнего, дождусь, когда бизнес упадет в мои раскрытые объятия, как спелая груша. Сам упадет мне в руки, Джей, сам упадет.

Джонатан не мог представить себе, как этот бизнес, падающий в руки или нет, может являться пределом чьих-то мечтаний. В его мечтах – заоблачных, смутных и вряд ли когда-либо реализуемых – он зарабатывал деньги тем, что ему нравилось делать.

Он вернулся к себе за стол. «Удлинитель – два по цене одного!!! Коробки за полцены!!! Неоновые маркеры за \$1.25 при покупке на \$10!» Его нутро в отчаянии сжалось. «Тетради в линейку: 3 за \$7, только сегодня!!!» Зачем было обязательно кричать обо всем этом? Ему хотелось заорать «Хэвен Халоу», но он сдержался.

Через час пришло новое письмо от Макса.

КОМУ: jonathan@comrade.com

ОТ: Max@comrade.com

ТЕМА: Новая секретарша

Уэс победил. Смотри.

Джонатан посмотрел. И правда, Эдуардо стоял очень грустный, пока некто среднего роста с короткими выбеленными волосами, в джинсах, байкерских ботинках и белой кожаной куртке пожимал руку Уэсу, который выглядел очень довольным. Этот кто-то был явно не во вкусе Эдуардо. И он выглядел настолько андрогенным, что было сложно предположить, что он может быть кому-то по вкусу.

КОМУ: Max@Comradeads.com

ОТ: jonathan@comrade.com

ТЕМА: re: Новая секретарша

Как насчет секса?

КОМУ: jonathan@comrade.com

ОТ: Max@comrade.com

ТЕМА: re: re: Новая секретарша

Спасибо, не надо. У меня и так все в порядке.

КОМУ: Max@stationads.com

ОТ: jonathan@comrade.com

ТЕМА: re: re: re: Новая секретарша

Какого она пола?

Джонатан посмотрел на Макса, и тот пожал плечами.

Через несколько секунд пришел ответ.

КОМУ: jonathan@comrade.com

ОТ: Max@comrade.com

ТЕМА: re: re: re: re: Новая секретарша

В том-то весь и смысл, что секс больше неактуален.

Нового личного помощника Эда звали Грили. Все половые признаки Грили были тщательно скрыты одеждой и поведением, не говоря уже о прическе, напоминавшей ту, с которой ходили в 1975 году десятилетние мальчишки. Прилизанные волосы и все такое.

Макс был не особо впечатлен, но Джонатан сразу же влюбился. Ему очень понравилась асексуальность Грили. Так мужчине могла нравиться фигура в форме песочных часов или лицо в золотистых кудряшках. Грили было свойственно спокойствие и полное равнодушие к какому-

либо самораскрытию. Джонатан был в полубоморочном состоянии и не мог понять, гей он теперь или нет. Он наказал себе спросить у Грили, какого он/она пола.

Днем пришел мейл с объявлением о том, что Грили начнет работу в понедельник. Не было написано Адам Грили или Оливия Грили. Просто Грили. И больше ничего. Джонатан погуглил «Грили» и нашел очень полезную информацию о том, что так называется муниципалитет, центр округа Велд и самый населенный город этого округа в северном Колорадо, в 80 км к северу-северо-востоку от Денвера. Все это не имело значения. Джонатан был восхищен.

Придя домой, он повел собак прогуляться до Челси, вдоль Гудзона и обратно. На 22-й улице они остановились у собачьей пекарни купить им печеночные печенья. Во время прогулки Джонатан не сводил глаз со своих питомцев. Его очень волновало то, что он целыми днями пропадал на работе, а они оставались одни слишком надолго. Он был уверен, что им скучно и они вынуждены искать всякие неочевидные способы занять себя. Он знал, что они передвигают вещи в квартире, прячут его обувь, копаются в кухонных шкафах и едят важные документы у него из папок. Большая банка арахисового масла еще вчера утром была закрыта. А кто сделал все эти покупки, оплаченные со счета PayPal? Карточку American Express он вообще давно не видал. Не Данте ли ее съел?

Что-то нужно было делать. Когда один из соседей восхищенно посмотрел на него и спросил, как ему удалось научить собак делать это, Джонатан просто нервно улыбнулся и прошел мимо, не уточнив, что имеется в виду под словом «это». Ведь не выходят же они сами на прогулку днем? На Манхэттене редко увидишь собак без сопровождения, переходящих улицу.

Джонатан вздохнул. Ему нужна была профессиональная помощь. Вернее, им нужна была эта помощь, а он как их владелец обязан был ее организовать.

Он представил, как собаки смотрят из окна на его удаляющуюся в сторону работы спину, выходят из дома на задних лапах, встречаются с друзьями в северной части города, заказывают капучино, копаются в мусорных баках, бегают за жирными городскими крысами в парке. Пока он батрачит на «Бродвей Депо», они прыгают по крышам Ист-Виллидж, напевают себе под нос песни, совершенствуются в паркуре и гоняют кошек.

Джонатан посмотрел на собак, бесшумно семенящих рядом, и его накрыла волна любви. Какие же они у него умные!

С большой сумкой еды на вынос из «Вонг Вей Гарден» он спешил домой. Джули уже вернулась. Он покормил собак, и они ушли каждый на свою подстилку, устроившись перед экраном ТВ.

– Ты их балуешь, – заметила Джули.

– Угу.

Он не хотел продолжать этот разговор. Как только Джули поймет, что в сфере отношений с собаками он совершенно неподконтролен, она тут же вызовет на подмогу аудиторов: дрессировщиков, выгульщиков, авторов книг по собачьему поведению и дисциплинарным воздействиям, гомеопатов, собачьих психологов и Цезаря Милана. Когда и это не поможет, однажды он придет домой и обнаружит в кухне Тэмпл Грэндин, которая будет попивать диетическую колу и проводить телепатические сеансы с Данте и Сисси. Тем временем псы начнут реализовывать сценарии мести, и у него уйдет целое состояние на оплату специалистов, плюс ему придется занимать чью-то сторону, и он всегда будет либо против собак, либо против Джули... Одна мысль об этом была невыносима. Как же ему хотелось, чтобы у него была подруга, которой бы нравились его собаки, или собаки, которым нравилась его девушка.

– Принеси тарелки, – сказала Джули тоном, который означал «перестань думать о том, чего нет и никогда не будет».

За ужином они обсуждали, куда поехать в выходные. Джули уже подготовила несколько проектов.

– Ты тоже предлагай свои варианты, – сказала она.

Пока он слушал, как она описывает уютные отели в Вермонте и выходные на острове Санибел, он думал, что же делать с собаками. Нельзя же просто оставить их здесь с кучей еды и попросить кого-нибудь иногда заглядывать. Он не мог упустить шанс вывезти их в лес, где они смогут порыться в настоящем черноземе, побегать по пляжу, вдыхая всем объемом легких соленый океанский воздух. Вот где они все были бы счастливы, все трое. То есть, четверо, включая Джули, которую он постоянно забывал добавить в свои мечты.

– А как же они? – выдохнул он, показывая на Сисси и Данте.

– Есть же отели для собак, – отмахнулась Джули. – Ну, или кто-то из знакомых согласится пожить с ними. Макс может кого-нибудь из своих шлюшек привести. В любом случае, собаки – не фактор.

Не фактор? Данте зашевелил ушами. Выражение морды у него было непроницаемое, как и обычно, но Джонатан видел эту маску насквозь. Джули что-то говорила про маленькую квартиру, которую они могли бы снять за умеренную цену рядом с пляжем на Санибел. Да, придется лететь через Форт-Майерс и брать напрокат машину, что, может, и немного чересчур, если лететь всего лишь на длинные выходные, но, с другой стороны, погода там отличная, и одно это оправдывает все неудобства, не говоря уже о том, что там ракушки.

Не фактор?

– Может, Вермонт? – в отчаянии спросил он, в надежде, что в тамошних уютных отелях можно сидеть с животными. И там желанный чернозем.

Джули пристально взглянула на него.

– Ты что, планируешь собак с собой взять?

– Разве мы не можем поехать все вместе? Ты бы познакомилась с ними поближе.

– Вермонт так Вермонт, – вздохнула Джули. – Если ты так хочешь. Можно и туда, – она достала лэптоп и открыла файл. – Вот здесь лучшие отели. На лыжах хотим покататься? Снег там еще есть, я узнавала. И стоящая антикварщина.

Услышав последнее слово с таким суффиксом, Джонатан съежился, как соленый слизень. Он оглядел квартиру и представил себе сервант 17 века из почерневшего от старости дуба в окружении двух берестяных стульев с затейливой резьбой, служивших когда-то пристанищем для обширных и претенциозных задов давным-давно умерших английских лордов. Большая стеклянная люстра 50-х годов угрожающе свисала с потолка, освещая поверхность гигантского обеденного стола из красного дерева, добытого с какой-нибудь южной рабовладельческой плантации. А как легко было представить Джули, высаживающую пионы в очаровательный ночной горшок ручной росписи, в который кто-то гадил долгие десятилетия подряд.

– Джонатан.

– Да, Джули?

– Не отвлекайся.

– Я не отвлекаюсь, – взглянул он на нее. – А в этих отелях принимают животных? Мне кажется, им очень понравилась бы такая вылазка на природу. Ведь они все время взаперти. Мы могли бы гулять все вместе.

– И я тоже все время взаперти, – парировала Джулия, недобро глядя на Данте. Потом она посмотрела на Джонатана, и ее взгляд смягчился. – Мы так давно не виделись. Я надеялась провести какое-то время вдвоем. Только ты и я.

Сисси с грустью повела бровью. Джонатан ничего не сказал.

– Смотри, я все разузнала. Давай ты посмотришь варианты и решишь.

– Но...

– Я пришлю тебе файл.

– Какой файл?

– Он называется «Джонатан».

Он вытянул шею и впрямь увидел у нее на рабочем столе файл с названием «Джонатан».

Он превратился в файл? С каких пор?

Интересно, что же еще было в этом файле? Джули записывала туда, как часто у них был секс, или кто оплачивал ужин? Может, она сравнивала там его данные с параметрами ее бывших? Может, она искала кого-то с идеальным соотношением длины конечностей и IQ или размера обуви и сексуального мастерства? Может, там был список качеств идеального бойфренда, и она ставила галочки, когда Джонатан в каком-нибудь из них демонстрировал должный уровень? Интересно, там были фотографии? И в том числе в компрометирующих состояниях? И будет ли она рассылать их в качестве порноспама его друзьям, если они когда-нибудь расстанутся? Он тут же начал писать в голове новую историю под названием «Файл Джонатан» и сразу же историю-близнец «Книга Джули».

– Джонатан, – решительно проговорила она. – С тобой невозможно разговаривать, когда ты отвлекаешься. Мне нужно вернуться в офис. Мы закрываем выпуск про свадьбы на островах завтра, и у меня уйма работы.

Джонатан не стал умолять ее остаться. Он проводил ее до офиса в Челси, хотя собаки делали все, чтобы помешать движению, – обвивались поводками вокруг ее ног, подрезали Джули, как будто сбоку лежал чей-то сэндвич, угрожающе лаяли на вооруженного до зубов полицейского и провоцировали огромного мастифа на тоненьком поводке у девочки-подростка. Они изо всех сил рвались с поводка, чтобы подобраться к огромному монстру, который сразу же напрягся и начал грозно рычать. Девочка погладила его по голове.

– Лучше бы вам его не раздражать, – прошептала она в их направлении.

Джонатан натянул поводки, и они поспешили уйти.

На углу Четырнадцатой и Десятой улиц он поцеловал Джули на прощание, но Данте перетянул все внимание на себя, присев посреди тротуара и произведя на свет, наверное, самую длинную в мире колбасу. Джули посмотрела на него, на его владельца, медленно закрыла глаза, вошла в офисное здание и приложила свой пропуск у турникета. Оборачиваться и махать она не стала.

9

С появлением в офисе Грили все двадцать два сотрудника каждое утро должны были отвечать на вопрос, как дела, причем ответы фиксировались в маленькое электронное устройство, которое Джонатан раньше никогда не видел.

– Что вы делаете? – спросил Джонатан, впервые проходя через эту процедуру и сказав: «Отлично, просто прекрасно».

– Записываю. Это поможет мне понять вашу ситуацию.

При этом у Грили было абсолютно нейтральное выражение лица – не дружелюбное, не недружелюбное. Вполне дзенское, будто «Комрейд» был пунктом релаксации перед переходом на следующий уровень сознания. У Джонатана защемило сердце.

А какая у него была ситуация? Он и сам не знал. В данную секунду ситуация требовала способности перестать тарашиться на Грили. Уж слишком неоднозначной была его личность с чистейшей кожей и серыми глазами. В «Нью-Йорском аду» Грили парил над всей цивилизацией, сидя в позе лотоса со скрещенными ногами и руками, загадочным выражением лица, и излучал свет, исполненный вышивкой золотом и серебром.

– Мы так рады, что вы теперь с нами, – сказал Джонатан, решив опустить свою привычную жалкую шутку о сибирском концлагере. – Мне кажется, что в каком-то смысле мы вас ждали.

К его удовольствию, этот ни к чему не обязывающий диалог вызвал кивок и улыбку Грили.

С его появлением атмосфера в «Комрейд» снова поменялась. В 4 часа теперь появился перерыв на зеленый чай, темный шоколад и тайчи. Грили было известно местоположение каждого сотрудника в каждый момент дня, и это тоже было непривычно. Сотрудники перестали шататься по офису и оставаться здесь вне рабочего времени.

Со временем Грили узнал, кто посещает психотерапевта, кому изменил бойфренд, кто безуспешно ищет любовь, кто работает, а кто весь день смотрит видео котиков или голых женщин на YouTube. Вся эта информация фиксировалась в странном девайсе с корейским логотипом, который Грили всегда носил с собой и не забывал вносить туда свои комментарии.

Ничего из вышесказанного никак не повлияло бы на жизнь Джонатана, если бы через неделю после начала работы Грили они не столкнулись нос к носу недалеко от его дома.

– Джонатан! – услышал он голос Грили с противоположного тротуара.

Вслед за этим владелец голоса перебежал улицу и устроил целый спектакль, знакомясь сначала с Данте, потом с Сисси, в строгом соответствии с субординацией.

– Ты не говорил мне, что у тебя есть собаки.

– Нет. То есть, да, они есть. То есть, они на самом деле не мои, брат уехал работать в Дубай и оставил их мне. А мне ты не говорил, что живешь рядом.

– Какие красавцы! – Грили и Данте не сводили друг с друга глаз, и Джонатану даже стало как-то некомфортно.

– А почему ты не приводишь их на работу?

– На работу? – не поверил своим ушам Джонатан.

– Нам нужны собаки в офисе, да и нехорошо оставлять их дома на весь день, – сказал Грили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.